

ПОДАРОК К СЪЕЗДУ

В книге есть воздух и праздничность

К Десятому съезду учителей издательство «Скиф» выпустило книгу «Народное образование в Республике Башкортостан. История и люди». Название в полной мере раскрывает ее содержание.

ПЕРВЫЕ страницы объемистого фолианта посвящены дореволюционному образованию, заключительные главы — реалиям и проблемам сегодняшнего дня. В книге немало документального материала, если иметь в виду доклады и выступления официаль-

ных лиц, справки и старые фотографии. По обилию адресов, тем и персоналий эта книга сродни энциклопедии. Авторы обзорных статей — вузовские преподаватели, историки и педагоги. Книга, изданная «Скифом», могла бы стать сухой и академичной, если бы не очерки и зарисовки журналистов. Они придали ей живость и человечность. Благодаря многочисленным снимкам, «привязанным» ко времени, в ней есть воздух, достоверность и праздничность. В качестве

подарка ее получают делегаты съезда, но она будет востребована и в рабочие будни. Для читателя, которого интересует развитие образования в РБ, просветители и учителя, вписавшие свои имена в его историю. Все материалы собрал, составил и привел к «единому знаменателю» известный журналист Юрий Коваль.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей очерк Юнира АКБАШЕВА из этой книги.

БКШ собственной персоной

— Случилось мне быть в Белорецке. Смотрю: по улице идут две симпатичные девчонки и о чем-то горячо спорят. Поравнялись со мной, и я услышал, что они решают математическую задачу. Все стало ясно: эти девчонки из компьютерной школы.

— А ты знаешь, что должен делать мальчишка, чтобы им понравиться? Нарисовать горы мускулов? Научиться брэнчать на гитаре? Как бы не так. Он должен уметь красиво и оригинально решать задачи.

Из разговора двух молодых уфимских учителей.

В ФЕВРАЛЕ 1994-го на Урале были зверские морозы. Казалось, птицы замерзают на лету, колючеют и барахлятся школьные компьютеры. О компьютерах я вспомнил не случайно. В те студенческие дни в Белорецке проходила первая республиканская экономическая олимпиада. Олимпиады и их наставники тряслись от холода в общежитии гостиничного типа Белорецкой компьютерной школы. Общежитие находилось у нее буквально под боком. Я долго сопротивлялся желанию переступить порог этой школы и посмотреть на живого Хазанкина, знаменитого учителя математики. О нем много писали в центральной и местной прессе. Что толку от того, что в школе обитает 101-й журналист и появится 101-я публикация? Прошел первый день олимпиады, второй. На третий день я себя пристыдил: «Быть в Белорецке и не навестить Романа Григорьевича Хазанкина — все равно что жить в Париже и не сходить в Лувр». И я направился к нему на урок. Последний раз математические премудрости я постигал в 1954 году. На уроке Романа Григорьевича чувствовал себя неандертальцем, однако наблюдать за учителем и его учениками было интересно. Это были сосредоточенные и увлеченные люди. Глядя на них, хотелось высочить к доске, взять мел и пофантазировать на заданную тему. Ученики, казалось, были не школярами, а коллегами учителя. Они держались с достоинством людей, знающих, что такое свобода и демократия.

Потом я прошелся по школе и почувствовал себя в XXI веке. Великолепная техническая оснащенность, признаюсь, мало меня интересовала. Я в ней ничего не смыслит, и сама по себе она ничего не значит: главное, в чьи попадают руки.

Больше всего меня поразили дети. В холле на полу расползся сделанный из белого картона сказочный городок: крепостные стены, островерхие зубчатые башни. С одной из башен сползала крыша. Возле городка сидела на корточках девчушка и, высунув от усердия язык, прилаживала крышу на место. Потом за таким же занятием я застал мальчугана. Оказывается, городок существовал уже полгода, и никто не пытался его раз-

рушить. Школьники — зодчие, создатели? То было первое потрясение. Второе потрясение — школьные стены и туалеты. Обычно это сборник примитивной уличной матерщины. В БКШ ни на стенах, ни в туалете ничего подобного не было. Ни одного бранного слова. Это уже поразило — сплошь отклонения от привычного школьного стандарта. Впрочем, одна стена в холле была сверху донизу намертво «залеплена» отпечатками ладоней. И это было замечательно.

В разных странах существуют разные стены: стена плача, стена для протестов и обвинений, стена властей и имущих. По некоторым стенам, как по барометру, судят о политическом климате в стране, о пристрастиях «просто» народа.

В Белорецкой компьютерной школе следы ладоней, вымазанных краской, образовали стену дружбы. В январе 1994-го в школе побывали преподаватели и ученики из Соединенных Штатов. Они-то и наследники на добрую и долгую память, «протянув руки через океан».

Роман Хазанкин.

Барселоней... И на какие бы олимпийские меридианы ни забрасывала ребят судьба — математика, информатика, экономика, они повсюду достойно представляют Белорецк и свою школу, привозят домой призы, дипломы, награды. Ну да все это суета сует. Куда больше о питомцах Хазанкина говорит бюрократическая строка «Место работы». Тут придется назвать всемирно известные научные центры, спрятавшиеся от назойливых глаз неподалеку от Москвы.

Юра Хомяков весьма успешно трудится в Физико-энергетическом институте в Обнинске, Игорь Копылов — в Летно-исследовательском институте имени Громова в Жуковском,

подают предмет, зовут математиками, литераторами, биологами. Применительно к Роману Григорьевичу такое определение было бы неточным, пожалуй, даже ошибочным. Он в первую очередь и прежде всего учитель. И только потом — математик. Математика дает ему всего лишь возможность наилучшим образом раскрыть себя как учителя. Выпускник Белорецкого металлургического техникума и Магнитогорского пединститута, Хазанкин мог бы, наверное, с не меньшим блеском и виртуозностью вести занятия по металловедению или сопромату. Или уроки пения. Он, говорят, недурно поет под гитару. Про физкультуру я уж не говорю. Зная толк в боксе и тяжелой атлетике, плавании и волейболе, он наверняка преуспел бы и здесь. Потому что родился Учителем.

Сегодня можно говорить о феномене Хазанкина. Он никогда не был ни директором, ни завучем, но школы, в которых он работал, звали школами Хазанкина. Белорецкая компьютерная школа (к чему лукавить?) создана под его имя (так и должно быть). А возглавил ее Александр Александрович Зайцев, ученик Хазанкина. Человек разнообразных талантов и интересов, Зайцев заслужил комплимент, который в наше Отечество отпускает чрезвычайно редко: «Он на своем месте».

Однако Хазанкин, Зайцев — это еще не коллектив. Что здесь за учителя?

В Белорецкую компьютерную школу под знамена Хазанкина пришли энтузиасты. Они не аскеты, не бесбревенки и как должное получают стипендию от металлургического комбината, но деньги, материальный достаток в их жизни — не главное. Превыше всего они ценят друг в друге профессионализм, творческие способности, готовность к сотрудничеству и, конечно же, порядочность.

Я перебираю в памяти уфимские школы, которые успешно поменяли вывески на своем фасаде. Белорецкая компьютерная, как бы наперекор модным названиям, остается школой. Но какой! В ней — всего два этажа и 270 учеников. Один первый класс, один второй... Только десятых — два. Они сформированы из белорусчан и ребят, принятых по конкурсу со всей республики. Учителя в компьютерной — преимущественно мужчины. Их возраст — под сорок.

Два этажа, 200 учеников — статистика слаще высокой поэзии. В школе уют и тепло, каждый — на виду, каждый — личность.

Поначалу БКШ едва не впала в грех, характерный для со-

ветских престижных (если угодно — элитарных) школ. Эти школы «отлавливают» прежде всего ребят талантливых, нередко — детей высокопоставленных особ. В компьютерной довольно быстро смекнули сказать «нет» тем, кто талантлив, но безразличен. Атмосфера дружба, которой здесь очень дорожат, предполагает чистоту намерений и отношений.

Пропев «Славься» Белорецкой компьютерной школе и Роману Григорьевичу Хазанкину, было бы несправедливо промолчать о его младшем брате — Вениамине Григорьевиче Хазанкине, руководителе учреждения с загадочно громоздким названием — УРЭК (Уральский региональный экспериментальный учебно-научный комплекс). Суть в том, что Белорецкая компьютерная школа — подразделение УРЭКа. Надо признать, что Хазанкин-младший относится к Хазанкину-старшему по-братски, и такой семейственности, замешанной на общности интересов и деловой основе, надо только радоваться.

Идея образовательного учреждения УРЭК возникла из желания что-то в этой жизни изменить к лучшему. Новое время, как бы мы его ни назвали, позволяет экспериментировать. На свой страх и риск. Пустующий учебно-производственный комбинат в Белорецке превратился сначала в городской компьютерный клуб, а через год — в Белорецкую компьютерную школу. Она на один год моложе УРЭКа.

В Вениамине Григорьевиче роль несколько иная, чем у его брата. Роман Григорьевич при свете дня, на кафедре, среди учителей и учеников. Вениамин Григорьевич — в тени, за кадром. Он обеспечивает компьютерной школе безбедное существование, выполняет обязанности министра иностранных дел и внешнеэкономических связей. Когда его ищут в Уфе, он оказывается в Белорецке. Звонят в Белорецк, а он уже в Москве. Белка в колесе — это он, Вениамин Григорьевич Хазанкин.

Братья Хазанкины вынашивают имперские планы. Они мечтают, чтобы набравший соков, возмужавший УРЭК распространил свое влияние на десятки и выпускников высшей школы, а миллий их сердцу Белорецк стал бы чем-то вроде Сорбонны или Оксфорда. В фундаменте — Белорецкая компьютерная школа. В ней уже сейчас каждый преподаватель — личность, и Роман Григорьевич Хазанкин — равный среди равных. Самый старший по возрасту, самый мудрый по опыту и самый молодой по состоянию души.

КАК НА ДУХУ

Когда доценты учили

первоклассников...

Заметки о некоторых ценностях в системе образования

Алла ДОКУЧАЕВА

Очень не хотелось бы, чтобы эти заметки сочли ностальгией по прошлому. Вполне отдаю себе отчет в том, что есть немало позиций, по которым современная школа шагнула далеко вперед по сравнению со старой системой народного образования. Однако российская привычка — сначала разрушить, а потом начинать с нуля — слишком живуча и заставляет вернуться к тому почти забытому, что, на мой взгляд, было правильным, и если это удастся сделать явлением массовым, то будет польза для обучения и воспитания школьников. Не претендую на глобальные обобщения, просто приведу здесь некоторые свои наблюдения.

СЫН пошел в школу в 1967 году, и первое, что я услышала от его учительницы: «Кто из родителей играет в шахматы? В классе много мальчиков. Хотелось бы создать шахматно-математический кружок». Мой муж, который был тогда доцентом Горьковского политехнического института, два раза в неделю выбирал время, чтобы прийти к малышам-первоклассникам. Были у них и турниры, и викторины, дети занимались с интересом. Ну о какой оплате руководителю даже речи не заходило.

Нескольными годами позже, уже в Уфе, классный руководитель 8-го класса, в котором учился сын, Зоя Федоровна Родина попросила меня вести у ребят кружок журналистики. В это же время в соседней школе отец юной художницы Юли Малаховой с ее одноклассниками занимался рисованием и фотографией. А моя приятельница училась в техникуме, где в 4-м классе вязать. В те годы такие факультативы, секции, кружки были привычным явлением: родители, взрослые члены семьи регулярно делились со школой своими знаниями, умениями, и делалось это бескорыстно. Причем, что очень важно, такие инициативы «насаждались» сверху — отделами народного образования.

Уфимский городской отдел народного образования возглавлял тогда Семен Никитич Шерстобитов, его заместителем была Зайтуна Сайбанова Янбарисова — два умных и творческих руководителя. Помню, от редакции попала на городской семинар по эстетическому воспитанию, который проходил в школе № 35. Никаких докладов, выступлений — на сцене дети, собрались на дискотеку под музыку Шаинского. Танцуют, поют, слушают короткие рассказы о композиторе — весело, живо, интересно. А ведь в те времена даже слово «дискотека» с опаской произносились учителями — боялись влияния западной музыки, слишком раскованных танцев. Вот и показало всему, как можно под хорошую музыку и под умным присмотром провести то, что так хочется детям.

Такие полезные для учителей «сборишки» устраивались постоянно и нацеленно, старались разглядеть в каждой школе крупицы того опыта, которым сле-

дует поделиться с остальными. В 47-й школе показывали работу с родителями, связи классных руководителей, как было принято говорить — «по месту жительства»: с Дворцом спорта, с детскими клубами при домоуправлениях. В 93-й на основе опыта выдающихся географов Валентины Григорьевны Количной и Вадима Александровича Марушина учились туристским навыкам, использованию на уроках краеведческого материала. В 105-й, 104-й, в 3-й, 25-й проводили семинары по патристическому воспитанию, в 99-ю приходили посмотреть на ежегодные хоккейные праздники. Школьные коллективы стремились к тому, чтобы именно у них было чему поучиться коллегам. Недаром возникли тогда так называемые «авторские школы» Розенблюма, Файзуллиной, Дубровкина, Попова, Хатумцева, Шабелы, Левина, Валиевой, Генна — эти и другие фамилии директоров гремели в городе. У каждого был свой конек, коллектив сплачивался вокруг общего дела, которым жила вся школа.

И совершенно естественно, что в такой системе главное место занимала работа классного руководителя. Не забывая о том безобразии, что она оплачивалась копеечками, необходимо понять, что это может быть самая важная в школе деятельность, которая занимает детский коллектив полезными, интересными делами, не оставляя места для пустых тусовок, зачастую связанных с наркотиками, алкоголем и ранним опасным сексом.

На своей семье могу проследить, как постепенно нарушался привычный в прошлом традиционный сбор такого дружного класса через годы после окончания школы. Тот 10-й, где учился сын, со своего выпускного 1977 года не пропустил ни одного пятилетия, чтобы не встретиться, не говоря о том, что не терять друг друга из виду, старший внук, окончив в Москве художественный лицей, сказал, что рад наконец расстаться с вечно пыльным классным «дядькой». А младший внук вместе с другим просто сбегали из своей московской гимназии, получив среднее образование экстерном. Походы, спектакли в театре, экскурсии, КВН — ничего такого и в помине не было в его классе.

Конечно, есть бесценный опыт таких истинных педагогов, как Лидия Ивановна Башинская в 62-й, Раиса Галиевна Сайфулина в 15-й, Альфия Исмагилова Султанова в 42-й, которые берут ребятишек в 5-м классе и доводят до окончания школы, центрируя это ребячье сообщество как коллективным творчеством, так и индивидуальным подходом к каждому. Но действует ли где-либо такая методическая школа классного руководителя, какая в свое время, к примеру, учила высокому мастерству литераторов в Орджоникидзевском районе под руководством незабвенной Софьи Захаровны Болховских? Да, есть конкурсы районные, городские, республиканские, всероссийские, которые определяют Учителя года, но, согласитесь, что элемент шоу в них присутствует не в последнюю очередь, и фигура, возраст конкурсанта там тоже в какой-то мере учитываются.

Кстати, несколько слов о возрасте. Директор моей школы № 1, одной из лучших в городе Горьком начала 50-х годов, Анастасия Максимовна Шатрова ушла на пенсию в 70 лет, сохраняя до последних дней работы необыкновенную активность, выдавая массу идей, удивляя живостью, внешним достоинством. К экзаменам, которые считались у нас творческим отчетом за минувший учебный год, она непременно шла себе новое платье — в те годы, когда в гардеробе висели всего один-два нарядных туалета, это воспринималось как начало праздничных знаний. Никто ее не подгонял продлением контракта «еще на год» — напротив, просили не уходить, потому что выпускники поражали качеством знаний и уровнем полученного воспитания. Она сама пригласила своего бывшего ученика сначала учителем, потом завучем и последние три года не отпустила от себя ни на шаг, пока не поняла, что может доверить ему коллектив. Почему же так редко прислушиваются нынче к мнению много лет отдавшего школе директора (и коллектива!), кому передать эстафету, чтобы не растерять наработанный, а его приумножить? И почему так легко расстаются теперь с опытными, полными творческих сил руководителями, не успев даже отметить их вступление в пенсионный возраст? Между тем, по нынешним временам и женщина в 55, и мужчина в 60 — это еще вполне работоспособные люди.

А что касается перечисленных положительных моментов из педагогики прошлых лет, то, естественно, многое где-то живо и сейчас. Просто тогда это была система, явление массовое, что и делало школу крепкой основой для воспитания достойных и образованных людей.

КАК ДВАЖДЫ ДВА...

Учитель должен быть немножко артистом

Уничтожить лучшее, что было в нашей системе образования, сложно

Алексей ШИЛЬНИКОВ

Одно из лучших в районе называют Туймазинскую СОШ № 8. Ее воспитанники регулярно становятся победителями олимпиад различного уровня, результаты сдачи ЕГЭ в целом по школе стабильно превышают 90-процентный барьер, до 85 процентов выпускников ежегодно поступают в высшие учебные заведения страны. Почти двадцать лет назад администрация сделала акцент на профильном обучении: в 1993 году здесь появилось семь специализированных классов — физико-математический, химико-биологический, углубленного изучения английского и немецкого языков, что, бесспорно, благотворно повлияло на качество знаний выпускников.

— Мы не стремимся отказываться от всего лучшего, что было в советской школе, — говорит В. В. Пупышева, преподаватель математики с 25-летним стажем. — Да, сегодняшние выпускники педагогические вузов безупречно владеют компьютером, но методика преподавания, на мой взгляд, в ту эпоху была все-таки сильнее.

— Вера Владимировна, в обществе периодически возобновляются дебаты о том, что в стране идет разрушение советской школы преподавания в угоду американской. Такая проблема действительно существует?

— Мне кажется, поломать все лучшее, что было в нашей системе образования, сложно. Очень многое зависит от самих преподавателей: их уровня подготовленности, желания донести свои знания до детей. Не берусь отвечать за других, но та же математика — наука стабильная. Мы и сегодня изучаем то, что когда-то штудировали наши предки.

— И все-таки — может быть, и не нужны ребенку глубокие знания по каждому из предметов? Изучил он, как его американский сверстник, «Воину и мир» по иллюстрации в учебнике на двух-трех страницах, научился правилам умножения и деления — и с него достаточно. У нас ведь есть сторонники и такого подхода к образовательному процессу.

— Для нас он абсолютно неприемлем. Конечно, когда ребенок сдает экзамен по тестам, у него развивается интуиция. Но одним лишь тестами и базовой подготовкой ограничиваться никак нельзя. Должна иметь место и определенная глубина знаний. Зачем слепо копировать западную систему образования, если наша всегда считалась одной из лучших в мире?

— Но тот же Единый государственный экзамен как раз и пришел к нам с Запада.

— Здесь другая ситуация, и я — за ЕГЭ. Та система итогов-

В. В. Пупышева ставит такие задачи, чтобы активизировать умственную деятельность своих подопечных.

вой оценки знаний учеников, которая существовала прежде, себя уже изжила. Стараясь вытиснуть своих учеников «за уши», мы просто их разбаловали. Единый госэкзамен — более честный и объективный. И готовиться к нему школьникам приходится основательно, рассчитывая лишь на собственные силы.

— На ваш взгляд, какие еще нововведения необходимы российской школе?

— Профильное обучение подразумевает углубленное изучение предмета. Но наш учебный план этого не предусматривает, а жертвовать часами обязательной программы нам никто не разрешит. Вот и приходится изучать эти предметы за счет кружковой работы. Эту ситуацию надо как-то решать, чтобы не потерять потенциал, нарабатанный школой.

— Еще один момент — с каждым годом становится все

больше бумажной рутин. Возможно, так и должно быть. Но времени на саму преподавательскую деятельность из-за этого у нас остается все меньше.

— Оди говорят, что добиться успеха может каждый ребенок и все решает мастерство педагога. Другие считают, что некоторым детям просто не дано преодолеть определенный уровень развития. Ваше мнение по этому поводу?

— Отчасти верно и то, и другое суждение. Очень многое зависит от того, каким ребенком родился, как воспитывался, какой его общий уровень развития. Если с этим все в порядке — тогда да, нет никаких серьезных препятствий для достижения успехов в учебе. Еще один момент, который в равной мере зависит и от педагогов, и от родителей, — умение найти область, в которой наиболее ярко проявится его талант. Тем не менее, уверена — как минимум, на «тройку» может учиться каждый. Все зависит, повторюсь, зависит от связи «учитель — родители — ученик». Это раннее ребенка отдавали в школу, и что там дальше происходит, многих мам и пап попросту не интересовало. Сегодня такое отношение к собственным детям недопустимо. На том же ЕГЭ есть вопросы, которые требуют определенных базовых знаний. Если ученик не знает значения общеизвестных выражений и терминов, как он может развиваться дальше? Так что родители должны не просто одевать и кормить своих детей, но и общаться с ними, интересоваться их делами, помогать им развиваться как личностями. Естественно, я не снимаю ответственности и с педагогов. Вспомните свои школьные годы — мы особенно тщательно готовились к уроку, преподаватель которого умел и материал подать, и найти ключик к сердцам детей,

стать им настоящим другом. Естественно, успеваемость класса по этому предмету, в сравнении с другими, была более высокой.

— Нынешние дети — какие они?

— Более развитые и информированные, раскрепощенные и уверенные в себе. Конечно, и 25 лет назад были и сейчас есть вдумчивые, усердные дети, а есть те, кто ждет не дожидаясь звонка с урока. Но суку по моим ученикам, — они знают намного больше, чем знала я в их возрасте. Если четверть века назад новоиспеченный первоклассник мог читать по слогам, это уже считалось неплохим показателем. А сегодня шестилетний ребенок, умеющий читать, считать и уже разбирающийся в компьютерной грамоте — явление вполне привычное.

— А у вас есть собственная методика преподавания?

— Стараюсь расшевелить ребят, ставлю перед ними необычные задачи, чтобы активизировать их мозговую деятельность. В общем-то, банальная истина, но учитель должен стремиться стать другом своим ученикам, не быть высокомерным, уметь прийти к ним на помощь. Только так можно добиться определенных успехов. Хорошая или плохая оценка — это ведь не самоцель педагога. Если ребенок что-то не понимает, надо ему помочь. Если не хочет понять — это уже другой вопрос.

— Преподавателю «наряды наук» лирика чужда?

— Скажу сразу — стихи я не пишу. Но, мне кажется, каждый учитель должен быть в душе немножко артистом, чтобы найти контакт с аудиторией. Вот и я — человек эмоциональный, ра- нимый, и меня несложно довести до слез.

— Вечером на досуге вы предпочитаете...

— Заниматься подготовкой к следующему учебному дню. Свободного времени на неделю у меня нет. При углубленном изучении предмета каждое задание отличается повышенной сложностью, и не прорешав самостоятельно все задачи, на урок идти нельзя. Поэтому сижу над учебниками обычно до полудня, и даже свободное утреннее время частично приходится прихватывать. Не понимаю, как меня до сих пор терпят домохозяйки (смеется). А вот в отпуске обожаю возиться на приусадебном участке и читать французские детективы.

— На ваш взгляд, в чем заключается счастье педагога?

— Видеть конечный результат своего труда. Во время учебы в школе многие мои воспитанники не осознают до конца, для чего им все это нужно. Лишь поступив в вуз, понимают, что корпели над учебниками и выполняли все мои требования не напрасно. Встречая их на улице, часто слышу слова благодарности. В такие моменты я понимаю, что работаю не впустую.

г. Туймазы.